

Камчатке // Камчатка: прошлое и настоящее: мат. XXI Крашенинник. чтений, Петропавловск-Камчатский. 2004. С. 24–37.

3. Быкасов В. Е. Тропой Владимира Атласова (От реки Алюторы до реки Камчатки). // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. С. 306–350.
4. Жилин М. Я. Камчатский Ермак. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. С. 7–48.
5. Журнал бытности в Камчатской области мичмана Петра Чаплина // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. СПб. : Любавич, 2012. С. 22–189.
6. Журнал лейтенанта Алексея Чирикова // Там же. С. 190–312.
7. Зуев А. С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Тр. гуманитар. фак. Новосибирск : НГУ, 2002. 330 с.
8. Зуев А. С. Восполняя белые пятна // Вопросы истории Камчатки. 2007. Вып 3. С. 108–191.
9. Камчатка XXVII–XX вв. Историко-географический атлас. М. : Роскартография, 1997. 112 с.
10. Козыревский И. П. Тексты «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. сб. док. М. : Наука, 1984. С. 46–52.
11. Козыревский И. П. Тексты «Чертежа Камчадальского носу» монаха Игнатия Козыревского // Колумбы земли Русской. Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. С. 255–269.
12. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Главсевморпуть, 1949. 841 с.
13. Крашенинников С. П. Описание дороги студента Крашенинникова. С. П. Крашенинников в Сибири. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 196–224.
14. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб. : Наука.; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994а. 438 с.
15. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. II. СПб. : Наука.; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994б. 319 с.
16. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский. 1967. 130 с.
17. Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец Земли Камчатки. М. : РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 192 с.
18. Мартыненко В. П. Путешествие в страну Уйкоаль. Петропавловск-Камчатский, 1987. 136 с.
19. Полевой Б. П. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке // Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1965. Вып. III. С. 119–122.
20. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Часть вторая. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1997. 203 с.
21. Рапорт В. Й. Беринга в Адмиралтейств-коллегию о ходе постройки бота «Св. Гавриил» и подготовке экспедиции к плаванию. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVII века. Сб. док. М. : Наука, 1984. С. 68.
22. РГАДА. СП. Оп. 5. № 1649. С. 133.
23. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. 192 с.
24. Сергеев В. Д. Страницы истории Камчатки (Дореволюционный период). Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-е. 1992. 192 с.
25. Скаска Вл. Атласова, 1700 г. // Колумбы земли Русской. Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. С. 69–76.
26. Сопозко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан М. : Наука, 1983. 247 с.
27. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 1999. 287 с.
28. Челобитная сына боярского Петра Бекетова о поверстании его казачьим головой в Енисейском остроге за походы с «новые земли» и построение Якутского острога // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М. : Географгиз, 1951. С. 93–95.
29. Челобитная казачьего десятника Елисейского острога Елисея Юрьева (Бузы) о жаловании за походы на рр. Оленёк и Яну в 30–40 гг. // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М. : Географгиз, 1951. С. 96–98.
30. Экспедиции Беринга: Сб. док. М. : ГАУ НКВД СССР, 1941. 327 с.

Т. В. Воробьева ЧЕЛОВЕК КАМЧАТСКОГО ФРОНТИРА

Постоянное расширение российской территории, присоединение и освоение новых странств, постепенно интегрировавшихся в ее состав, – важнейший процесс, определивший судьбу народов России. Отсюда – интерес историков к проблемам присоединяемых окраин. Когда отечественная историография освободилась от идеологических ограничений, исследователи обратились к теме «фронтира», основоположником которой считается Ф. Д. Тернер (19). В основе концепции Ф. Д. Тернера лежит идея определяющего влияния на формирование американского общества фактора постоянно движущейся границы, расширявшей территорию государства. Не удивительно, что знакомство с данной концепцией привело отечественных историков к размышлению о различиях и сходствах в истории США и России, государств, «двигавших свои границы» на протяжении долгого периода их существования.

Труды американских исследователей XX в. углубили понимание сути процессов колонизации Америки. Но концепция фронтира по-прежнему используется при изучении широкого круга проблем США. Подвергать сомнению ее истинность в американском обществе считается столь же неприличным, как критиковать Священное Писание (14, с. 5).

Между тем, обращение отечественных исследователей к проблеме фронтира в российской истории вызвало далеко не однозначную реакцию, что породило широчайший спектр позиций. Поскольку целью данной статьи не является анализ отечественной методологии фронтира, мы лишь отметим, что некоторые аспекты созданной Ф. Д. Тернером теории вполне применимы к исследованиям территорий, присоединявшихся к России в процессе ее расширения.

Так, Ф. Д. Тернер в своей работе приводит слова Ф. Дж. Грунда, писавшего в 1836 г.: «Всеобщая склонность американцев к переезду в дикие местности Запада, чтобы расширить свое господство над неодушевленной природой, – это в действительности результат неотъемлемо присущей им мощи, ведущей к экспансии, и эта мощь постоянно возбуждает все классы общества, и значительная часть всего населения непрерывно устремляется в крайние пределы штата, чтобы завоевать пространство для их развития» (19, с. 17).

В свою очередь, крупнейший русский историк XIX в. С. М. Соловьев (1820–1879) полагал, что одним из важнейших законов движения русского общества, развивавшегося на равнинной территории с открытыми границами, являлась колонизация окраин. Однако С. М. Соловьев, придавая определенное значение в деле присоединения Сибири движению «русского народонаселения на северо-восток», решающей силой считал государство (18, с. 715–723).

Фронтиры обеих стран двигались усилиями первопроходцев. Соответственно, люди, вынужденные приспособляться к жизни в новых суровых условиях, оставляющие далеко за собой благу цивилизации, должны были обладать особыми качествами. Ф. Д. Тернер отмечает: «Это грубость и сила, соединяющаяся с пронизательностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастерское понимание сути материального мира, лишённое артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неугомонная нервная энергия; этот господствующий индивидуализм, работающий ради добра и зла; и в то же время эти жизнерадостность и избыток чувств, которыми сопровождается свобода – все это особенности фронтира...» (19, с. 39).

Одним из явных отличий в историческом восприятии прошлого народами обеих стран стало различное отношение к первопроходцам – тем самым людям фронтира. Тема покорения «дикого Запада» по-прежнему остается одной из самых популярных в США: богатый фольклор; многочисленные вестерны, как «десятицентовые», так и произведения классиков американской литературы; творения «Голливуда»; издающиеся по сей день журналы «Дикий Запад»; восхваление подвигов «героических ковбоев», по сути прославившихся своей беспощадностью к индейцам; постоянное обращение к «наследию фронтира».

В России же, пожалуй, единственным героем-пионером народ помнит Ермака Тимофеевича, покорителя Сибири. Другие имена известны лишь краеведам да историкам. Несмотря на то, что российские покорители далеких земель, при всей их неизбежной жестокости, не предлагали за скальпы коренных жителей вознаграждение, размер которого менялся в зависимости от того, был ли это скальп мужчины, или женщины, или ребенка, и не использовали собак для охоты на туземцев, как это происходило в Америке (Там же, с. 48).

Возможно, это связано с тем, что американский Запад стал воплощением «Великой Меч-

ты», дающей человеку свободу и процветание. Для русского человека Сибирь и все земли, лежащие за ней, – путь в неизведанное, хотя и «встречь солнцу», но в холод, примитивные условия жизни в феодальной стране. В связи с этим нет никаких оснований сравнивать социально-экономические последствия движения двух фронтиров. Но люди, ставшие движущей силой российского фронта, в полной мере проявили качества, описанные Ф. Д. Тернером.

Одна из таких наиболее выдающихся фигур камчатской истории – Владимир Атласов (Володимир Отлас), с легкой руки А. С. Пушкина прозванный «камчатским Ермаком» (16, с. 347). Хотя вряд ли бы это замещение порадовало самого В. Атласова, заслужившего право остаться в народной памяти под своим именем. Мечту великого русского поэта создать повесть об этом человеке воплотили последующие поколения писателей и поэтов (8; 10; 11 и др.). Серьезный вклад в исследование жизни и деятельности В. Атласова внесли камчатские краеведы и историки (9; 15). Поэтому, опуская подробности, мы обратимся к наиболее ярким проявлениям характера этого человека фронта. Уже в 1867 г., наделенный особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и неплательщиками ясака, молодой казак так рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения, что против него было заведено специальное дело, в котором отмечалось: «они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили» (15, с. 79–80). Но публичная порка «на козле» не охладила казака. Его горячий и свободолюбивый нрав ощутил анадырский приказной Семен Чернышевский, в отряде которого летом 1692 г. Атласов отправился в поход к восточным чукчам. С. Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его «срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой и вором и плутом называл», но в «руки не дался» и даже обвинял приказного в государственной измене (Там же, с. 81). Будучи наказанным батогами, Атласов все же сумел избежать дополнительного наказания в Якутске, договорившись с казаком Василием Григорьевым об обмене службами, оставшись, таким образом, в Анадыре.

Практический склад ума помог В. Атласову в 1694 г. воспользоваться впечатлением, произведенным на якутского воеводу И. М. Гагарина рассказом об Анадырском остроге, очень удобным для освоения «новых земель» и попросить поверстать его в казаки пятидесятники на место погибшего в 1688 г. Василия Кузнецова. Организуя поход на Камчатку, В. Атласов сумел найти средства для достижения поставленной цели – взял займы у Ивана Харитонову 160 рублей, у торгового человека Михаила Остафьева и его приказчика Степана «занял в кабалу 120 лисиц красных» (Там же, с. 84), часть снаряжения и боеприпасов раздал «безденежно» людям отряда, которые обязались расплатиться с ним собольими шкурками. В результате, в канун 1697 г. 60 казаков и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров на оленьих упряжках (9, с. 16) отправились в путь. Итогом похода стали знаменитые «Скаски» (13, с. 1–18), поразившие как российских современников автора, так и иностранцев обилием ценных сведений о населении, флоре и фауне полуострова. Академик Л. С. Берг писал: «Атласов представляет собой личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его... заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII вв., не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных ответов» (4, с. 322), а историк С. В. Бахрушин называл «Скаска» «венцом этнографических известий», наилучшим в XVII в. «описанием Камчатки и ее жителей». И пояснял: «Как по точности и конкретности, так и по широкому кругу систематически собранных известий, это описание выгодно отличается от тех поверхностных и стилизованных с определенной тенденцией реляций, которые часто встречаются у западноевропейских путешественников XVII в. Можно сказать, что этот простой якутский «воин» явился достойным предшественником такого выдающегося этнографа и исследователя Камчатки как С. П. Крашенинников» (3, с. 14).

Вся последующая эпопея, включая поездку в Москву и нападение на обратном пути на дочаники купца Добрынина, хмельные бесчинства казачьего атамана со своими «полчанами» в Киренске и, наконец, обстоятельства ареста, – все это проявление самобытной и дерзкой натуры первопроходца.

Неожиданное освобождение и назначение на должность камчатского приказного в 1707 г. лишь ярче выявили самонадеянность, жестокость и алчность атамана – типичные черты жителя порубежья. Гибель Владимира Атласова от рук заговорщиков, таких же отчаянных и беспощадных, как и сам атаман, вполне закономерна. Ведь если мы обратимся к судьбам главных заговорщиков – Данила Анциферова и Ивана Козыревского, в них вновь обнаружим и невероятную стойкость в покорении диких земель, и стремление к справедливости, такой, какой она понималась ими, и изобретательный склад ума – достаточно вспомнить эпизод с «подложной грамотой», и стремление

избежать наказания, приведшее к присоединению Курильских островов к России, постриг Козыревского в монашество, и царские застенки (15, с. 141–147; 6, с. 371–385; 7; 5).

Следующая волна первопроходцев, теперь уже направлявшихся к американскому берегу, была представлена членами экспедиций Витуса Беринга. Можем ли мы причислить их к людям порубежья? С одной стороны, морские экспедиции были организованы по инициативе государства, но с другой стороны, многие из их участников отправлялись в путь добровольно. С этой позиции мы обратимся к двум наиболее ярким личностям – В. Берингу и Георгу В. Стеллеру. Наш выбор определен тем, что оба они были иностранцами на русской службе. Как столкновение с суровой действительностью имперских окраин повлияло на них, отличалось ли их мировосприятие от россиян? Объем статьи не позволяет нам углубиться в многочисленные и важные детали судеб этих людей. Мы отметим лишь типичные для обоих черты.

Прежде всего, и Витус Беринг, и Георг Стеллер выросли в семьях истинных христиан, получили хорошее воспитание (2, с. 22). Обстоятельства учебы В. Беринга нам мало известны, но то, что он дважды совершил путешествие в Ост-Индию, а закончив морскую офицерскую школу в Амстердаме, свел дружбу с адмиралом Крюйсом, говорит о многом. Образование Георга В. Стеллера было блестящим (22, с. 210–213). В Россию оба участника экспедиции прибыли сложившимися людьми. Г. Стеллер прекрасно понимал, зачем он отправляется в далекую экспедицию, об этом он писал в Доношении в Правительствующий Сенат (Там же, с. 211). Осознавал ли В. Беринг, что его ждет? Несомненно. Другой вопрос – был ли он инициатором второй экспедиции? Татьяна Сергеевна Федорова, историк-архивист Российского государственного архива военно-морского флота Санкт-Петербурга, считает, что, вернувшись из Первой Камчатской экспедиции, он никогда не выражал желания лично достичь американского континента. «Он только выполнил указ Сената – подал свои соображения, продемонстрировав при этом ум, наблюдательность, сочувствие населению Сибири и понимание, как ему помочь...» (20, с. 52). Поданная им в Адмиралтейство записка – это обширная программа, которая касалась всех сторон социально-экономической жизни Сибири, особенно – Якутска и Охотска, Камчатки: развития сельского хозяйства, кораблестроения, многих других промыслов, разведки ископаемых, сбора ясака и политики по отношению к местному населению. В наши дни это наверняка бы назвали «Программой развития». Итак, исполнительный, дисциплинированный, выдержанный, дружелюбный, относящийся с сочувствием как к членам своего отряда, так и к коренному населению, за что неоднократно был осуждаем в доносах его русских коллег (21, с. 195), – таков был командор. Если Витус Беринг считал своим долгом неукоснительно выполнять указания Сената, то Георг Стеллер стремился выполнить свои обязательства перед Сенатом: исследовать климат, полезные ископаемые, животных, предметы, выброшенные морем, обещая: «Ничего, сколько возможно будет, не опущу и о том, что до истории сего народа принадлежит, то есть языка, философии, музыки, домостроительства, счету, описание разных машин, домашних вещей, лечений внутренних и внешних, каковая у них вера и оной основание, правосудие и обычай, дородство людей, обхождение, добродетели и пороки, рукоделия, промыслы, доходы, забавы, какие товары к ним привозятся и по какой цене, и каким товаром они с иными торгуют, и о прочем, о чем дабы Высокоправительствующему Сенату от чтения или слушания какого затруднения не учинить, не упоминаю» (22, с. 212). В результате Г. В. Стеллер оставил богатейшее научное наследие, не потерявшее свою актуальность по сей день. Не удивительно, что так же, как В. Беринг, он много писал о необходимости изменения не только ясачной политики государства, но и в целом отношения к местным жителям, вступал в конфликты с представителями местной администрации, халатно относившимся к своим обязанностям и ущемлявшим коренное население, самовольно освободил в Большерецкой приказной избе 12 колодников-камчадалов (17, с. 51–61). Именно по инициативе В. Беринга и Г. Стеллера на Камчатке появляются первые школы, в то время, как в Европейской России они еще были в редких городах (12, с. 13–15). При этом причиной конфликтов между В. Берингом и Г. Стеллером было то, что каждый из них считал свои задачи приоритетными, но в тяжелых условиях экспедиции В. Беринг, ответственный за судьбу всех ее членов, не мог удовлетворить всем требованиям ученого.

Таким образом, перед нами – иная категория первооткрывателей: образованные люди, с развитым чувством человеческого достоинства, они посвятили свои жизни поиску и исследованию новых земель, не стремясь к личному обогащению, не будучи завоевателями. И. Хойслер, изучавший жизнь и деятельность Г. В. Стеллера, считает, что это стало результатом формирования личности в свободных европейских городах. Немецкий историк писал: «...вследствие целого ряда причин самодержавная власть была вынуждена для достижения своих целей приглашать ученых и специа-

листов из других стран, имеющих другие культурные и политические традиции» (22, с. 212). Однако условия фронта зачастую вступали в противоречие с благими намерениями иностранцев. Так, для обеспечения нужд Первой Камчатской экспедиции Беринг приказал собрать 40 человек в каюры, затем потребовал, чтобы прислали из Верхнего и Нижнего острогов 100 человек «иноземцев» с санками, собаками и кормом для перевозки груза из Большерецка. Правда, он требовал иметь «доброе старание об иноземцах, чтоб с дороги не разбежались», потом понадобилось еще 100 ясажных иноземцев, затем еще 80, 60 и 60. Объяснения, что люди на промысле, он не принимал, считая это отговорками (20, с. 41), все это повлекло за собой голодные смерти множества семей коренных жителей, оставшихся без кормильцев и собак. Упреки в жестокости заслужил и Г. В. Стеллер, проводивший опыты над животными (1, с. 32–43).

В любом случае, XVIII в. выдвинул людей фронта с качественно иными характеристиками, и это относилось не только к иностранцам. Рядом с представителями западной культуры В. Берингом и Г. В. Стеллером мы можем поставить личностей не меньшего масштаба – А. И. Чирикова и С. П. Крашенинникова, но это уже тема отдельного исследования.

1. Jones R. Georg Wilhelm Steller and the Strange Beasts of the Sea // Камчатские экспедиции в исторической ретроспективе: сб. материалов VI ежегод. науч.-теорет. конф. «Человек в истории», 5–6 дек. 2006 г. / под ред. А. В. Пташинского. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2007. С. 32–43.

2. Under Vitus Bering's Command: New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions (Beringiana, 1), edited by Natasha Okhotina Lind and Peter Ulf Møller. Aarhus: Aarhus University Press, 2002, 304 p.

3. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии: науч. тр. // С. В. Бахрушин. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. II. История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 14.

4. Берг Л. С. Открытие Камчатки Владимиром Атласовым // Вестник АН СССР. 1949. № 8. С. 322.

5. Богданов В. Судьба исследователя Курил и Японии Ивана Козыревского: (Новые биограф. сведения об авт. «Чертежа камчатальского носу и морским островам») <http://www.kamlib.ru/resources/bogdanov.htm>, [дата обращения – 15.03.2014]

6. Вахрин С. И. Иван Козыревский // На суше и на море: Повести, рассказы, очерки, статьи. М. : Мысль, 1991. С. 371–385.

7. Вахрин С. И. Покорители Великого океана. Очерки. Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1993. 104 с.

8. Гропянов Е. В. Атаман: историческая повесть. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор. Кн. изд-во, 1997. 344 с.

9. Камчатский Ермак / авт.-сост. М. Я. Жилин. Петропавловск-Камчатский, 2011. 248 с.

10. Комаров П. С. Лирика. М. : Сов. Россия, 1968. 312 с.

11. Крившенко С. Ф. Берег Отечества: романтика героизма в литературе о Дальнем Востоке. М. : Современник, 1988. 412 с.

12. Неизвестная Камчатка: камчатская новь, путешествия, литература, искусство, старина, природа : краевед. журн. / гл. ред. Е. В. Гропянов. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2005. № 1 (7). 40 с.

13. Оглоблин Н. Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в обществе истории и древностей Российских, 1891. Кн. 3 (158). С. 1–18; [Электронный ресурс]: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_64.htm [Дата обращения – 15.03.2014].

14. Пелипась М. Я. Влияние концепции фронта на формирование внешнеполитической стратегии США в XX в. // Американские исследования в Сибири. Вып. 5: мат. Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт», Томск, 6–8 февр. 2001 г. Томск : Том. ун-т, 2001. 230 с.

15. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Часть вторая. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, кн. изд-во, 1997. 204 с. С. 79–80.

16. Пушкин А. С. Заметки при чтении «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова // Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. VIII. М., 1981. 367 с.

17. Сенкевич Ю. Этот неуживчивый адъютант / Ю. А. Сенкевич, А. В. Шумилов // Их позвал горизонт. М. : Мысль, 1987. 213 с. С. 51–61.

18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1959–1966. Кн. III. Т. 6. М., С. 690–694, 715–723.

19. Тернер Фредерик Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

20. Федорова Т. С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя: сб. ст. / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. 312 с. С. 52.

21. Федорова Т. С. Доносы и жалобы на В. Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции / Русское открытие Америки : Сб. статей, посвящ. 70-летию академика Н. Н. Болховитинова. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 195.

22. Хойслер И. Разочарования Георга Вильгельма Стеллера // Пятые международные исторические и Свято-Инноцентьевские чтения : мат. Петропавловск-Камчатский, 2012. 237 с.

Я. Е. Габриков
ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Важным аспектом историографической деятельности является издание работ этнографов и исследователей Дальнего Востока, которые в XIX – начале XX вв. посещали эти территории для детального изучения и описания. Одним из самых знаменитых исследователей был Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930), который совершил множество экспедиций по Дальнему Востоку. Научным наследием В. К. Арсеньева стали десятки его работ по этнографии народов Дальнего Востока, истории его освоения. Однако в советский период издание его произведений наталкивалось на ряд трудностей.

После Великой Отечественной войны приморской научной общественностью была предпринята попытка издания полного собрания сочинений В. К. Арсеньева. В результате в 1947–1949 гг. во Владивостоке в свет вышел шеститомник, включавший в себя многие значимые произведения дальневосточного учёного (1). Однако значительная часть научных трудов, уже подготовленных к изданию, в данное собрание не вошла, либо была подвергнута значительным правкам, зачастую приводившим к искажению авторского замысла. Причиной тому стала деятельность органов политической цензуры, негласно контролировавших всю издательскую деятельность на территории СССР. В Приморском крае эти функции осуществляло Приморское краевое управление по делам литературы и издательств (Приморский крайлит), непосредственно подчинявшееся Главному управлению по делам литературы и издательств (Главлит).

По этому поводу один из составителей сборника Н. А. Навиндовский писал 26 июня 1947 г. Н. Е. Кабанову, автору биографии В. К. Арсеньева, вышедшей в 1948 г.: «Большое несчастье: лит режет нещадно. Целиком “зарезал” поездку на Командоры (???!). Уверен, что зарежет и военно-географическое описание. Зарезал часть “Дельфиньевого промысла”, покушается на “Китайцы в Уссурийском крае”. Волнуюсь, переживаю, доказываю, но это производит впечатление такое же, как крики о помощи бедуина, засыпанного песками в пустыне» (2).

Чем же руководствовались дальневосточные цензоры, указывая издательству, что ему следует выпускать из богатого научного наследия В. К. Арсеньева, а что следует придержать? Ответ на этот вопрос может дать изучение переписки Приморского крайлита с Главлитом, хранящейся в фонде Главлита в Государственном архиве Российской Федерации.

Первые серьёзные замечания у цензоров появились к IV тому собрания сочинений. Прежде всего они отмечали «нецелесообразность переиздания» многих работ, включённых в него (3). Особой критике подвергся очерк «Командорские острова в 1923 году». Цензоры писали: «Сведения, данные в очерке, устарели. В очерке в невыгодном свете представлены первые годы советской власти на такой отдаленной окраине, как Командорские острова. Нечелесообразно и афиширование естественных возможностей, состояния и организации пушного промысла на Командорских островах, планов его развития и освоения островов» (4).

Критиковался и подход В. К. Арсеньева к освещению истории дальневосточного края: «Статья неправильно освещает историю “переступки” Курил. Неправильно формулирует исторические события. Изобилует материалами (цены) и фактами (хищничество американцев), освещение которых в настоящее время нецелесообразно» (5). Главлит согласился с доводами цензоров Приморья, и очерк на 23 листах был снят. Также из IV тома была изъята статья «Пути от Хабаровска на Советскую гавань», так как она давала излишне подробное географическое исследование приграничной зоны и железнодорожной трассы Комсомольск – Совгавань (6).

Обширной критике подверглись материалы, предлагаемые к изданию в V томе собрания. В письме Приморского крайлита в Приморское книжное издательство (Примиздат) раскрываются основания для запрещения публикации ряда изданий. Начальник Приморского крайлита М. Соколов о статье «Вымирание инородцев Амурского края» писал: «Статья псевдонаучна. Не понимаю прогрессивного значения русской колонизации, автор тенденциозно-враждебно освещает роль и влияние русских на туземное население. Работу к переизданию не разрешаю» (7). Основанием для такого решения послужило краткое заключение цензора Матвеева: «Автор не понял той прогрессив-